

Г. А. Ватъян

Из истории идеологической борьбы в армянской естественно-научной мысли последней четверти XIX века

В последней четверти XIX века в связи с социально-экономическими сдвигами, вызванными усилением проникновения капитала в армянскую действительность, стали развиваться естественные науки. Под влиянием европейской и русской передовой мысли в армянской действительности значительно усилился процесс популяризации и обоснования новых естественно-научных открытий. К этому периоду относится издание ряда естественно-научных журналов на армянском языке. Передовые армянские мыслители: Г. Костандян, Е. Темирчипашян, Н. Тагаварян, А. Гарагашян, С. Паласанян и др., опираясь на материалистические традиции великого армянского философа революционного демократа М. Налбандяна, выступали против идеалистического истолкования явлений природы. Они противопоставляли научно-материалистические взгляды религиозно-мистическому мировоззрению.

Сторонники религиозного мировоззрения, не будучи в состоянии полностью опровергнуть явные успехи наук в различных областях естествознания, вынуждены были признать кое-какие успехи наук, однако они пытались примирить науку с религией, подчинить научные познания вере. При этом они всячески подчеркивали приоритет религии над наукой. В этой связи характерно признание журнала «Арарат», пытавшегося, ради оправдания христианской религии и веры, свалить вину за насилие над наукой и преследования передовых умов науки на католическую или иную религию. Вынужденный считаться с наличием научного прогресса, журнал всячески силился усмотреть в этом прогрессе заслугу христианской религии и веры. Не вина христианской религии, заявлял журнал, если когда-то свобода мысли и научный прогресс несправедливо подвергались гнету и жестоким преследованиям. «Христианская вера гораздо больше обеспечивает свободу мыслей, нежели любая иная наука»¹. Проповедуя идею ограниченности и узости научного познания по сравнению с христианской религией и верой, религиозный орган отмечал, что наука имеет дело лишь с «неизменными предметами». А вот иное дело христианская религия, которая-де обеспечивает «свободу мысли и прогресс». «В науке,—отмечалось в журнале,—свобода мысли и прогресс начинаются лишь после выявления абсолютных истин, количество которых весьма незначительно и которые не развиваются, а вечно пребывают как неизменные

¹ Журнал «Арарат», 1879, стр. 334.

предметы науки. Однако с этого момента эти истины также становятся предметом веры...»²

Пытаясь сгладить коренные противоречия между наукой и религиозными догмами, орган религиозных культов заявлял, что признание наличия некоторых неизменных материалистических, астрономических, естественно-исторических, химических истин в науке отнюдь не мешает ученым верить в истины христианской религии. Тут-де нет никаких противоречий³, ибо именно в христианстве «кроются начало и конец науки и жизни»⁴.

Следует отметить, что проповедь идеи приоритета религии и веры над наукой сторонниками религиозного мировоззрения не являлась самоцелью,— она была направлена против научного истолкования явлений природы и постоянно сопровождалась выпадами против материалистического мировоззрения. Не отвергая на словах значения науки и прогресса в жизни нации, С. Мандинян вместе с тем всячески отстаивал необходимость и важность религии и веры в интеллектуальном развитии людей, в процессе воспитания молодого поколения. Подчеркивая привилегию религии и веры над наукой, он отмечал, что наука находится в большом долгу перед своей «старшей сестрой», перед верой. Возражая против атеизма-материализма Г. Костандяна, против «грубого и варварского языка материалиста», он пытался умалить решающую силу научного познания в истолковании объективного мира, заявляя при этом, что в зримом и чувственном мире нет ни одной материальной или духовной причины, которая служила бы достоверным доказательством существования объективного мира, а по сему мы обязаны верить⁵.

Выступление против религиозного мракобесия в армянской действительности являлось насущной потребностью национального пробуждения. Вот почему острее критики армянских передовых мыслителей было направлено против мистического мировоззрения, против примирения науки с религией, за научный прогресс. Они понимали, что для того, чтобы показать нелепость религиозных верований, необходимо прежде всего исходить из данных конкретных наук, отстаивать и развивать объективную, естественно-научную основу материалистического мировоззрения, т. е. обращаться к явлениям природы. Опираясь на естественно-научные открытия своей эпохи, обобщая накопленные научные данные, они выражали твердое убеждение в том, что для обеспечения истинного прогресса в науке необходимо решительно критиковать религиозно-мистическое воззрение на мир и показать несостоятельность идеалистического толкования явлений природы. А это возможно путем широкой пропаганды научных знаний. Они верили в силу научного познания, которое проникает в глубь тайн природы и раскрывает ее неисчерпаемые богатства. Это движение к про-

² Журнал «Арагат», 1879, стр. 334.

³ Там же, стр. 336.

⁴ Там же, стр. 338—339.

⁵ С. Мандинян, Религии. Психологические исследования. Тифлис, 1879, стр. 40.

грессу является неумолимым законом жизни. Обосновывая решающее практическое значение научного метода познания в жизни общества, высоко оценивая революционизирующее значение научных открытий великих умов науки, армянские мыслители приходили к верному выводу о том, что перед лицом «шествия науки» религия и вера становятся лишь помехой в развитии общества, что они изжили свой век, что наступил век великих научных свершений,— век разума и прогресса.

Великую общественную роль науки в борьбе с религиозной тьмой Н. Тагаварян усматривал в ее могучем воздействии «на душу человека и человеческого общества», способном приводить к перевороту⁶. Отмечая несостоятельность утверждения об ограниченности теоретического познания в раскрытии тайн природы, Е. Темирчипашян призывал науку считать проникновение в явления природы с тем, чтобы «исследовать и испытать, анализировать и синтезировать» их⁷. Выступая против насилия, бесчинства религии над наукой, прогрессом на протяжении истории человечества, С. Паласаян призывал обращаться к внешнему миру, постигать «материальные законы». «Чтобы сделать труд человека производительным,— писал он,— следует постигать и истолковывать естественные, материальные законы»⁸. Призвание человека прогрессивный журнал «Амалсаран» видел в том, что он должен стать «господином природы», чтобы жить прилично на земле. О стремительном шествии наук, перед которым рассеиваются туманные, иллюзорные представления, писал редактор этого журнала М. Багдасарян. По его мнению, научный прогресс создает общие блага для будущих поколений⁹. За истинные научные познания ратовал А. Гарагашян, который был убежден в том, что научные познания должны основываться на истине, а истина направлена против невежества, предвещает рассудков и стремится к свету и разуму¹⁰.

Итак, передовые армянские мыслители в прогрессе науки усматривали важное средство в борьбе против мистики, религиозного мировоззрения, в подъеме благосостояния общества. Хотя это был просветительский подход к явлениям общественной жизни, ибо они еще не доходили до понимания того факта, что «упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его *действительного* счастья»¹¹, но их смелое выступление против мистики и мракобесия в свое время имело прогрессивное значение.

В связи с новыми социальными сдвигами и на этой основе, с бурным развитием естественных наук, являющихся естественно-научной основой материалистической философии, в армянской действительности усилилась борьба двух основных направлений в философии — материализма и идеа-

⁶ Журнал «Еркрагунд», 1883, стр. 1.

⁷ Там же, стр. 279.

⁸ Журнал «Порц», 1877, стр. 89.

⁹ Журнал «Амалсаран», Первый период, 1899—1900, стр. 2.

¹⁰ См. Г. Г. Шакарян, «Философские взгляды А. М. Гарагашяна». Научные труды Ереванского государственного университета, т. 62, 1958, стр. 46.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том 1, 1955 г., стр. 415.

лизма. Передовые армянские мыслители-естествоиспытатели, опираясь на фактические данные, накопленные к тому времени наукой, обобщая их, обосновывали материальность мира, субстанциональность материи. Это вызвало усиление противодействия мистических взглядов, нападки идеалистов на материалистическое мировоззрение. Касаясь оживления проповеди мистической идеи о бессмертии души, Н. Тагаварян писал: «Спиритуализм ныне поднял свой голос. Коротко скажем, что это учение вызывает противоестественные явления в пользу души. А что же такое душа? Один твердит, что после смерти тела, души превращаются в демоны, а по мнению других — душа есть жидкость (fluide)»¹².

Мистическая идея о бессмертии души служила определенным социальным целям господствующего класса: держать народ в невежестве, отвлечь его от борьбы за социальную справедливость и национальное освобождение. Понятно, почему религиозный журнал «Арагат» усиленно проповедовал идею о бессмертии души, призывая быть инертным, пассивным и подчиниться велению рока, ибо только воля бога предустанавливает наше бессмертие. «Я принадлежу всецело воле бога», — отмечалось в журнале, — так как я бессмертен лишь благодаря велению бога»¹³. Но не одни официальные религиозные органы проповедовали мистические идеи о бессмертии души. Интересам реакционных слоев господствующего класса служили работы философствующих идеалистов. Выполняя социальный заказ своих хозяев, они явно перешли в лагерь фидензма и поповщины. В этом отношении характерна работа Е. В. Айвазяна «Бессмертие души». Противопоставляя душу «материальным вещам», он пытался «обосновать» субстанциональность души. Острые своей борьбы мистик направил против материалистов. Главное доказательство бессмертия души он усматривал в ее «нематериальности». «Для того, чтобы доказать бессмертие души, — писал он, — следует прежде всего доказать ее нематериальность. Каждое тело смертно, каждое сложное явление разложимо. Ежели душа телесна, то она подлежит исчезновению, разложению. А если же, напротив, она не материальна, то трудно без доказательства признать, что это простое начало исчезает бесследно»¹⁴. Спекулируя на ошибочном отождествлении вульгарными материалистами материи с сознанием и приписывая это утверждение материалистическому мировоззрению, Айвазян писал: «Способное мыслить не должно быть материей, так как познания, мышления, хотение суть нематериальные явления; они не могут быть присущими материи свойствами, т. е. не могут обладать протяженностью, весом и непроницаемостью»¹⁵. Это было клеветой на материалистическую теорию познания.

Таким образом, в связи с оживлением мистификации объективных законов природы и процесса познания, проблема материалистической ин-

¹² Журнал «Гитакан шаржум», 1887, стр. 180.

¹³ Журнал «Арагат», 1887, стр. 205.

¹⁴ Журнал «Еркрагунд», 1886, стр. 399.

¹⁵ Там же, стр. 400.

терпретации соотношения материи и сознания, тела и души, приобретала большое значение. Поэтому армянские передовые мыслители, продолжая развивать естественно-научные, материалистические традиции, обобщая новейшие научные данные химии, астрономии, физики, доказывали, что материя не сотворена и не уничтожима; она первична, а сознание вторично, производно; природа развивается своими внутренними закономерностями без вмешательства извне. Материя и движение, писал Н. Тагаварян, оказались вполне достаточными для происхождения вселенной, ее различных состояний и их движений¹⁶.

По убеждению Е. Темирчипашяна, «материя вечна и бесконечна во времени и пространстве»¹⁷. Материя, учил Г. Костандян, не прибавляется и не уменьшается, а вечно пребывает. Взаимопереходы ее различных состояний есть закономерность. Он отрицал вмешательство бога в дела материального мира. Науки призваны изучать различные состояния материи¹⁸. Положительным явлением было выступление Е. Темирчипашяна против идеи отрыва тела от души, попытки превращать душу в самостоятельное субстанциональное начало. В древнегреческой натурфилософии он четко различал две линии развития: «линию Платона» и «линию Демокрита». Заявляя, что он является сторонником последователей Демокрита, Темирчипашян вместе с тем выступил против «мистических идей» пифагорийцев и «идей» Платона. «Платон и его единомышленники,— писал он,— приняли душу первопричиной и первоначалом, но были и другие мыслители, которые предлагали считать материю первопричиной всего...»¹⁹. При этом следует отметить, что Темирчипашян допускал гилозоистические ошибки, приписывая материи «одушевленность».

Армянские мыслители в борьбе с идеей мистического божественного вмешательства в дела природы отстаивали тезис о неразрывности материи и движения. Они считали движение атрибутом материи, хотя движение они понимали лишь как простое перемещение тел в пространстве. Г. Костандян говорил о неразрывной связи двух всеобщих законов природы: закона сохранения количества материи и закона сохранения количества движения. При этом он ошибочно отождествлял «силу» с движением. Ф. Энгельс отмечал, что по отношению к понятию движения термин «сила» неудачен. «А именно он выражает все явления односторонним образом. Все процессы природы двусторонни: они основываются на отношении между . . . двумя действующими частями, на действии и противодействии»²⁰.

Тезис о материальности мира армянские мыслители доказывали, исходя из научных открытий Галлилея, Ньютона, Коперника, Дарвина, Менделеева и др., из космогонических теорий Лапласа, Декарта. «Лаплас из-

¹⁶ Н. Тагаварян, Вселенная и ее строение, Константинополь, 1902, стр. 96.

¹⁷ Журнал „Гракан ев имастасиракан шаржум“, 1887, стр. 120.

¹⁸ См. Г. Г. Габриэлян, „История армянской философской мысли“, т. III, Ереван, 1959, стр. 345—424.

¹⁹ Журнал „Еркрагунд“, 1883, стр. 130.

²⁰ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, 1950, стр. 54.

ложил процесс творчества во вселенной,— писал Г. Костандян,— как результат естественных сил, а не вмешательства бога или идеи»²¹. С защитой космогонических гипотез Лапласа, Канта и Декарта, их материалистических основ выступил Н. Тагаварян. «Вся вселенная состоит из одних и тех же элементов, из одного и того же теста»²².

Огромное значение приобрела научная интерпретация идеи о материальном единстве всех космических тел и сходство их химического состава. Выступая против теологической трактовки происхождения органического мира и строения вселенной, Г. Костандян, Н. Тагаварян, Е. Темирчипашян и др. доказывали, что все космические тела имеют единое материальное строение и образовались длительным естественным путем, без божественного вмешательства. В истолковании материального единства вселенной большое значение имели работы великого русского ученого Д. И. Менделеева. Известно, что Ф. Энгельс высоко оценил открытие Менделеевым периодического закона химических элементов, назвав его «научным подвигом». Вот почему это научное открытие Менделеева получило высокую оценку и у армянских мыслителей. «Ученики материалистического метода,— писал Г. Костандян,— открыли многообразные простые элементы, количество которых ныне достигает до 64 элементов, из которых и состоят все космические тела»²³. Позже в этом же духе оценил открытие Менделеева и Н. Тагаварян. Ему были известны уже 67 химических элементов. Но он был убежден в том, что впредь химии удастся открыть много новых элементов. По его мнению, в центре земного шара существуют такие химические вещества, которые пока еще не обнаружили на поверхности земли. Он высмеивал скептиков и релятивистов, которые не хотели вникнуть в суть великих научных открытий, а огульно их отвергали или называли «темными».

Что касается выдвинутого «обвинения» против материалистов мистиком Айвазяном, будто они отождествляют материю с сознанием, тело с душой, то следует отметить, что материалистическая теория отражения отнюдь не отождествляет материю с сознанием, тело с душой (психическим). Наоборот, она исходит из того, что сознание человека является лишь функцией «того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека»²⁴. Касаясь противопоставления материи и сознания, В. И. Ленин писал: «Конечно противопоставление материи и сознания имеют абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»²⁵.

Выступление передовых армянских мыслителей против мистического противопоставления материи и сознания, тела и души и обоснование ими

²¹ Г. Костандян, О методе, Смирна, 1878, стр. 84—85.

²² Н. Тагаварян, Вселенная и ее строение, стр. 91.

²³ Г. Костандян, О методе, стр. 147.

²⁴ В. И. Ленин, т. XIV, стр. 215.

²⁵ Там же, стр. 134—135.

материалистического, монистического взгляда на мир сыграли положительную роль.

Идеологическая борьба двух направлений в естественно-научной мысли особенно оживилась в области биологии, в частности вокруг дарвинизма. Мистики направили свои удары на естественно-научную основу материалистической философии, на дарвинизм. Широко пропагандировались идеалистические учения о развитии органического мира. Это понятно, — ведь дарвинизм опроверг религиозные, идеалистические и метафизические представления о живой природе и тем произвел крупнейший эволюционный переворот в биологической науке — во всей системе наших знаний об органическом мире. По выражению Энгельса, учение Дарвина было «третьим великим открытием — теорией развития»²⁶.

Важно отметить, что борьба против дарвинизма в рассматриваемый период приобрела некоторое своеобразие. Материалистическое учение в биологии уже получило такое глубокое признание естествоиспытателей-биологов, что не считаться с ним и огульно отрицать значение учения Дарвина стало уже невозможным. Мистики вынуждены были прибегнуть к различным софистическим уверткам. Они не прочь были признать некоторые заслуги Дарвина-ученого, но лишь для того, чтобы использовать престиж великого ученого в пропаганде реакционно-мистических идей. Они силились примирить учение Дарвина с религиозными догмами или поднимали на щит его ошибки, усматривая заслугу великого естествоиспытателя лишь в них. В этой связи характерно выступление журнала «Арагат». Отмечая, что Дарвин уже занимает почетное место в науке, он вместе с тем усматривал его заслугу лишь в теории пангенезиса, отвлекаясь от всех других заслуг ученого. В каждой живой клетке, отмечал журнал, уже в зародыше сконцентрированы в мельчайших масштабах все прелести природы, подобно изолированному, замкнутому футляру. Отрицая всякое влияние внешней среды на развитие индивидуальной жизни организма, журнал писал: «Мы заметили, что человек начинает свое существование из клетки. Естественно, что в этой клетке должны находиться зародыши будущих органов человека... каждый из них имеет свои функции, predetermined направление и развитие»²⁷. Выходило, что все предусмотрено, предустановлено, а в индивидуальной жизни проявляются лишь те свойства, которые в готовом виде хранились в клетке. Это было мистическое извращение дарвинизма. С одной стороны, утверждалось, что все начинается с клетки, в которой в зачаточном виде сконцентрированы все будущие свойства организма, с другой стороны, признавалось, что клетки сотворены богом. Роль среды сводилась на нет, так как в жизни организма лишь проявляются заранее имеющиеся свойства.

С теологической точки зрения истолковывал учение Дарвина и М. Сарьян. Отвергая идею происхождения живого естественным путем, он утверждал, что «бог своей всемогущей силой сотворил первую жизнь»,

²⁶ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1955, стр. 156.

²⁷ Журнал «Арагат», 1881, стр. 274.

ибо «одна природа не в состоянии внушить жизнь неодушевленной материи»²⁸. Учение Дарвина Сарьян считал гипотезой, предположением, достоверность которого невозможно-де доказать. Мистифицируя процесс происхождения человека, он писал «эволюционное учение не относится к человеку, т. е. происхождение человека не может быть истолковано эволюционным путем»²⁹. Отрицая единство организма и среды, Сарьян заявлял: «И в самом деле, когда мы говорим о влиянии внешней среды, то имеем в виду совершенствование уже существующих органов...»³⁰.

Выступая против научной интерпретации проблемы видообразования, Сарьян категорически заявлял, что виды происходят не «путем взаимодействия слепых механических сил», напротив, «животное и растительное царство развивается согласно божественным предначертаниям», и «современному состоянию науки становится более доступным вывод о том, что бог при сотворении жизни сотворил в природе множество первоначальных простейших видов и форм»³¹. Таким образом, хотя Сарьян отмечал, что Дарвин занял почетное место в науке, однако он мистифицировал его учение. А это приводило к его отрицанию. Если бог сотворил все «первоначальные простейшие виды и формы», а внешняя среда лишь совершенствует уже «существующие органы», то ясно что действие закона естественного отбора в образовании новых видов сводится на нет.

Извращение учения Дарвина не ограничивалось этим. Реакционные ученые пытались перенести мальтузианские ошибки Дарвина о «внутривидовой борьбе и конкуренции» на человеческое общество и доказать, что классовая борьба является естественной «борьбой за существование» в понимании Дарвина. Однако, как отмечал Энгельс, Дарвину «вовсе не приходило в голову говорить, что происхождение идеи борьбы за существование следует искать у Мальтуса. Он говорил только, что его теория борьбы за существование есть теория Мальтуса, примененная ко всему миру растений и животных»³². Ошибка Дарвина заключалась в том, что он «приписывал при этом своему открытию чрезвычайно широкую сферу действия, он придал ему значение единственного рычага в процессе изменения видов и пренебрег вопросом о причинах повторяющихся индивидуальных изменений ради вопроса о форме, в которой они становятся всеобщими»³³. В этой связи заслуживает внимания работа Е. Паляна, в которой он пытался превратить «борьбу за существование» в нравственный принцип человека. По его мнению, борьба за существование всегда сопутствовала человеку и лишь утончались ее формы, средства. Извращая идею классовой борьбы и заменяя ее «борьбой за существование», Палян в духе неокантианцев утверждал, что люди стремятся к «духовной истине», но трудно предугадать, когда именно она наступит и какой она окажется

²⁸ Журнал „Базмавеп“, 1902, стр. 64.

²⁹ Там же, стр. 280.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 314.

³² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1952, стр. 65.

³³ Там же, стр. 67.

Ер. Палян проповедовал идею пассивного подчинения судьбе. Он превращал человека в пассивный придаток «веления рока»³⁴.

Борьба против идеалистических извращений учений Дарвина, защита и обоснование теории эволюционного развития в армянской действительности приобрели большую значимость. Эта борьба против мистических воззрений в биологии для армянских мыслителей не являлась самоцелью, а служила общественному прогрессу. Защиту и обоснование дарвинизма они связывали с насущными практическими задачами, стоящими перед народом. Они ставили перед собой задачу пропагандой передовых естественно-научных идей практически содействовать повышению благосостояния народа, улучшению дела образования и просвещения. В своих трудах в борьбе против мистификации развития органического мира они выражали насущные потребности общественного развития. Исходя из объективной действительности, они постоянно подчеркивали неразрывную связь трех царств природы, их материальное единство, отвергая при этом мистическую теорию сотворения мира богом. Опираясь на учение Дарвина, они доказывали, что весь органический мир суть единая цепь развития, а человек есть высшее звено этой цепи. «Человек,— писал Е. Темирчипашян,— венец высшего царства из всех трех царств. Действительно, человек выше растения, которое в свою очередь выше минерала, но человек, как и животное, растения или минералы, подчинен естественным законам»³⁵. Вся живая природа, по его мнению, подвержена непрерывным видоизменениям. Развитие органического мира происходит по восходящей линии, от низших органических форм к высшим. «Постепенно возникшие виды,— писал Тагаварян,— всегда превосходят своих предшественников совершенством своей организации»³⁶. Называя учение Дарвина «великим открытием», Н. Тагаварян резко выступил против взгляда на неизменчивость, постоянство органических видов, на изолированность их друг от друга, получившего к тому времени широкое распространение. В связи с этим большое значение имело обоснование теории естественного отбора, которая была направлена против теологического взгляда на органический мир. По мнению Тагаваряна, Дарвин обогатил учение Ламарка теорией естественного отбора, развил учение об искусственном или «человеческом отборе». Дарвин, писал Тагаварян, в основу своей теории естественного отбора положил «полезность» тех или иных изменений в организме. «Природа,— писал Тагаварян,— на протяжении миллионов лет своими мощными средствами творила новые формы и образцы организмов...»³⁷. В длительном и сложном естественном процессе развития организмов закрепляются лишь те свойства, которые полезны в развитии организма. Процесс естественного отбора приводит к исчезновению некоторых ранее существовав-

³⁴ Журнал „Тараз“, 1895. (см. статью Паляна „Борьба за существование и нравственность“).

³⁵ Журнал „Гракан ев имагасиракан шаржум“, 1883, стр. 15.

³⁶ Журнал „Гитакан шаржум“, 1885, стр. 38.

³⁷ Журнал „Гитакан шаржум“, 1885, стр. 68.

ших видов и к дивергенции. Следует отметить, что Тагаварян придерживался того мнения, согласно которому виды образуются лишь на основе постепенного расхождения признаков и свойств у растений или животных, причем особи с промежуточным проявлением признаков в результате внутривидовой конкуренции выпадают. Этот ошибочный взгляд был в то время господствующим. Советская мичуринская биология практически доказала, что мы «можем лично вмешиваться в действие природы, во-первых, значительно ускорить и численно увеличить формы образования новых видов и, во-вторых, искусственно уклонить строение их качеств в более выгодную сторону для человека»³⁸.

Но это не умаляло значения выступления Тагаваряна в борьбе с теологическими взглядами на видообразование. Выступая против отрицания действительного влияния внешней среды на организм, армянские мыслители отстаивали идею неразрывной связи организма со средой, их единства. Н. Тагаварян отмечал, что приспособленный к данным внешним условиям организм будет продолжать свое существование до тех пор, пока объективные причины, внешние факторы не выведут его из данного положения. Эта мысль Тагаваряна совпадала с утверждением русского биолога К. Ф. Рулье, который писал: «Ни одно органическое вещество не живет само по себе... и живет только постольку, поскольку находится во взаимодействии с относительно внешним для него миром»³⁹.

Защита и обоснование армянскими мыслителями дарвинизма в борьбе с идеалистическими взглядами в биологии имели прогрессивное значение в развитии естествознания.

Обобщая все сказанное, следует констатировать, что усилившаяся в естествознании идеологическая борьба в последней четверти XIX века в армянской действительности отражала те социально-политические сдвиги, которые произошли в обществе. Выполняя социальный заказ господствующих классов, реакционные мыслители проповедовали фидеизм и поповщину в различных областях науки, пытаясь затуманить сознание масс, отвлечь их от борьбы за социальную справедливость. Выступление армянских мыслителей в защиту научно-материалистических взглядов на природу, при всех их ограниченностях и недостатках, сыграло положительную роль в подготовке почвы для торжества марксистского материалистического мировоззрения в армянской действительности.

³⁸ И. В. М и ч у р и н, Соч., т. 1, 1939, стр. 431.

³⁹ Журнал „Московские ведомости“, 1850, № 85.